

СОЗНАНИЕ КАК ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ ОТНОСИТЕЛЬНО ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ*

Моисеева А. Ю.

В статье делается попытка онтологической интерпретации интенциональных состояний как нейрофизиологических состояний относительно лингвистических объектов. Данные состояния также могут быть интерпретированы как функциональные состояния. Это позволяет трактовать сознание как способность формировать интенциональное отношение его носителя к усвоенным или самостоятельно сконструированным лингвистическим объектам.

Ключевые слова: теория сознания, интенциональность, язык, нейрофизиология

Зависимость между ментальными фактами

Со времен Декарта в понимании природы психического можно различить две противоположные тенденции: радикальный редукционизм и радикальный антиредукционизм. В философии самого Декарта они присутствовали одновременно как в форме механицизма и психофизического дуализма.

Следует отметить, что к настоящему времени спор между сторонниками этих направлений предельно обострился. С одной стороны, биологические науки достигли успеха в объяснении многих психических феноменов сугубо материальными причинами, что уже нельзя игнорировать. С другой стороны, существуют весомые философские аргументы в пользу того, что некоторые феномены субъективной и интерсубъективной жизни людей такому объяснению не поддаются. Наиболее дискуссионным стало понятие сознания. Настоящая статья – еще одна попытка приблизиться к его определению. Представляется целесообразным начать с описания субъективных фактов сознания: ментальных свойств и состояний, относительно которых наблюдается более или менее сформированная философская традиция.

Среди состояний сознания принято различать качественные и интенциональные состояния. Качественные ментальные состояния субъек-

* Публикуется в авторской редакции.

та x заключаются в переживании им некоторых ментальных свойств, включая физические ощущения и эмоциональные состояния, и описываются следующим образом:

$$1.1. S^g(x) \equiv M(x),$$

где M – предикат, означающий ментальное свойство. Примерами могут служить субъективно переживаемые x боль, страх, ощущение красноты и т.п.

Интенциональные ментальные состояния субъекта x заключаются в модальном отношении его к некоторому высказыванию и описываются так:

$$1.2. S^{in}(x) \equiv K_x p,$$

где K – интенциональный оператор, p – высказывание. Примерами ментальных состояний являются знание x о том, что прикосновение к горячему предмету причиняет боль, вера x в то, что Бог существует и т.п. Как видно, эта трактовка интенциональности базируется на факте, что знания, верования, желания людей существуют в качестве *лингвистических объектов*, которые могут рассматриваться независимо от ментального и физического контекста. Говоря метафорически, мы живем в мире не вещей, а знаков. Для каждого человека существует язык, высказывания которого осознаются этим человеком непосредственно как форма его интенции, иначе говоря, как его представления о мире. Будем называть его *интенциональной формой языка* или ИФЯ. Некоторые ее свойства будут обсуждаться ниже.

Также всякий живой организм можно представить как информационную систему, которая задается набором возможных для нее функциональных состояний S , таких что:

$$1.3. S_i^f(x) \equiv F(\text{Input}; \text{Output}),$$

где F – функция, преобразующая входящую информацию в исходящую. В живых системах роль входящей информации выполняют данные о физическом состоянии ее носителя (тела), полученные от органов чувств, а роль исходящей информации – модель поведения, реализующаяся в этих условиях. Соответствие между входом и выходом не будет взаимно однозначным, поскольку в различных условиях может реализовываться одна и та же модель поведения. Предыдущее предложение можно переформулировать так:

1.4. $S^f(x) \leftarrow S^p(x)$

где S^p – физическое состояние системы, представляющее собой релевантное для поведения свойство или конъюнкцию свойств тела. Этот способ описания используется в функционализме.

В более ранней публикации [1] приводился аргумент о множественной реализации интенциональных состояний, согласно которому для всякого качественного состояния S^q существует такое интенциональное состояние S^{in}_j , что если субъект находится в состоянии S^{in}_j , то он находится в состоянии S^q , но не наоборот. Общим выводом по проблеме редукции различных состояний сознания друг к другу и к состояниям других типов было: «...Вследствие невозможности редукции качественных состояний к интенциональным и интенциональных состояний к качественным (которые составляют феноменальную область ментального), редукция ментальных состояний к состояниям других онтологических типов не представляется возможной. Однако это не означает, что не существует возможности разграничения областей редукции, т.е. сведения качественных состояний к состояниям одного онтологического типа и интенциональных состояний к состояниям другого онтологического типа, т.е.:

$$1.5. (S^q(x) \leftrightarrow S^p(x)) \& (S^{in}(x) \leftrightarrow S^f(x)) \& (S^f(x) \leftarrow S^p(x)) \gg [2].$$

Одно из следствий этого редукционистского предположения относится к сфере эпистемологии.

Рефлексивное знание

Большинство авторов согласны, что хотя бы некоторые из состояний сознания доступны рефлексии, т.е. существуют специфические рефлексивные состояния, представляющие собой непосредственное знание субъекта о том, что он находится в некотором другом ментальном состоянии. Из трех возможных определений рефлексии [3] воспользуемся ее субъектным определением:

$$2.1. S^{ref}(x) \equiv K_x M^{ref}(x)$$

где M^{ref} – ментальное свойство, принадлежащее классу рефлексивных. Таким образом определенное, рефлексивное состояние может отождествляться со знанием некоторого высказывания, одним из свойств которого является то, что его истинность может быть установлена путем рефлексии. Т.е.:

$$2.2. \exists p^{ref} \quad K_x M^{ref}(x) \equiv K_x p^{ref}$$

Высказывание p^{ref} уместно назвать *рефлексивно очевидным*. Ясно, что рефлексивно очевидными могут быть лишь высказывания о ментальных свойствах. Но поскольку в предложении 1.5 мы предположили редукцию качественных состояний к физическим, референтом всякого высказывания о ментальном свойстве следует считать определенное физическое свойство (конъюнкцию свойств) тела. Отсюда выводимо тождество между ментальными свойствами M_1 и M_2 и высказываниями о них p_1 и p_2 .

Также из определения 2.1. ясно, что если речь идет о рефлексивных свойствах, невозможна такая ситуация, когда субъект знает, что он обладает рефлексивным ментальным свойством M_1^{ref} , и не знает, что он обладает рефлексивным ментальным свойством M_2^{ref} , и это одно и то же свойство. Тогда из 2.2. выводим:

$$2.3. K_x p_1^{ref} \& (p_1^{ref} \equiv p_2^{ref}) \rightarrow K_x p_2^{ref}$$

где p_1^{ref} и p_2^{ref} – рефлексивно очевидные высказывания. Это предложение показывает, как субъектное понимание рефлексии дает возможность избежать проблемы множественной реализации интенциональных состояний.

Таким образом, рефлексивно очевидные высказывания можно подвергать лингвистическим трансформациям, выводя из них эпистемический статус других высказываний. В частности, из высказывания можно исключить слова, относящиеся собственно к содержанию сознания, и выразить его в терминах физических свойств объектов. Так, из рефлексивной очевидности для Декарта высказывания «Я существую» ясна очевидность для него и эквивалентного высказывания, выраженного в независимых от субъекта терминах: «Декарт – живое существо» [4]. Как показал Р. Чизхолм [5], этот процесс не ограничивается познанием очевидных истин, но распространяется на оценку обоснованности условных суждений, суждений опыта и др. Но для того, чтобы оперировать с подобными высказываниями, нужно знать правила языка, объектами которого они являются. Легко заметить, что это и есть упомянутая выше ИФЯ. Попытаемся выявить некоторые ее свойства.

В первую очередь следует сказать, что это не может быть постулируемым некоторыми когнитивистами универсальным языком мышления (*mentalese*). Ведь даже если последний существует, то его объекты не осознаваемы. Напрашивается предположение, что к искомому

языку лексически наиболее близок идиолект – индивидуально используемая форма естественного языка, – но привести весомые аргументы в его пользу было бы трудно. Ясно лишь, что ИФЯ обладает культурной преемственностью в той же степени, что и всякая форма человеческого языка. Причем речь здесь идет об усвоении из культуры не только моделей высказываний, но и самих модальных отношений к этим высказываниям, которые должны, по-видимому, выводиться из сопоставления речевой и неречевой деятельности окружающих.

Другим знаменательным свойством человеческих языков является продуктивность, т.е. возможность формирования неограниченного количества новых лингвистических объектов, которой, как считается, нет в языках животных. Правда, в последнее время выявились и пограничные случаи, требующие дальнейшего изучения. Так, часто упоминаемый язык танца у пчел обладает, по-видимому, некоторой продуктивностью [6]. Это свойство в разговорной и письменной речи обеспечивается грамматикой, не в последнюю очередь ее рекурсивными компонентами. Хотя у грамматики ИФЯ следует предполагать некоторые особенности, она также должна быть продуктивной. Примерами свободно сформированных лингвистических объектов, интенционально значимых для многих людей, являются «бог», «демократия» и т.п.

Если развивать эту идею дальше, то у ИФЯ следует предположить некоторую онтологию. Пока нет причин надеяться на раскрытие отношений между онтологией языка и онтологией реального мира. Но очевидно, что исследование интенциональной онтологии было бы ценно само по себе, ведь она непосредственно соотносилась бы со сферой убеждений и мотивов человека [7].

Сознание как лингвистический процесс

Все вышесказанное ни в коем случае не означает попытку в очередной раз трактовать мышление человека как форму речи. Неоднократно приводились весомые аргументы против этого. На наш взгляд, мышление – очень сложный феномен, присутствующий в разных проявлениях как у человека, так и у многих животных. Мышление может проявляться в виде способностей решать задачи самых разных типов: манипуляция одним и несколькими предметами, предполагающая сложную моторику; классификация угроз и выигрышей; вычисление намерений других субъектов (модель психического); нахождение оптимального маршрута; запоминание опасных и желанных мест и событий и их классификация;

решение задач логического вывода; управление собственными психическими состояниями (т.н. метапсихологические способности); решение арифметических задач; мимикрия и притворство; ложь и введение в заблуждение других субъектов; выбор между индивидуальным выигрышем и коллективным; социальная манипуляция другими субъектами; ухаживание за противоположным полом; выбор между бегством и активной защитой.

Впрочем, мышление относится к свойствам психики, нашей же целью является дефиниция сознания. Если по поводу психики вообще приемлемой точкой зрения является нейтральный монизм (панпсихизм) Спинозианского образца, то слово «сознание» с самого начала употреблялось для обозначения того, что отличает людей, по меньшей мере, от большинства созданий природы. Именно поэтому мы подходим к его определению исходя из языка – более изученного, чем мышление, феномена, и притом очень специфичного у человеческого вида.

Пожалуй, единственное явное разграничение между сознающими и не сознающими существами совпадает в философии с границей понятий внутренней и внешней интенциональности. Как продемонстрировал Д. С. Деннет, практически к любому наблюдаемому агенту можно применить интенциональную установку – «стратегию интерпретации поведения объекта (человека, животного, артефакта, чего угодно), когда его воспринимают так, как если бы он был рациональным агентом, который при "выборе" "действия" руководствуется своими "верованиями" и "желаниями"» [8]. Однако для неживых и простых живых систем, очевидно, такая интерпретация не отражает реального положения дел. Хотя бы потому, что их физическая структура не допускает мысли о реализации на ее основе способности к свободному формированию соответствующих лингвистических объектов. Если эти объекты и могут быть сформированы, то на основе языка человека-интерпретатора. Поэтому для сознающих (т.е. владеющих продуктивным языком, по нашему выводу) существ говорят о внутренней интенциональности, а для всех прочих – о внешней. Ясно, что «псевдоинтенциональные» состояния этих последних не могут описываться так, как показано выше.

Однако, согласно функционалистскому тезису, находиться в интенциональном состоянии значит находиться в функциональном состоянии, и внешняя интенциональность, очевидно, может быть описана только в терминах поведенческих функций. (Отметим, что ограничивать описание качественных состояний только сознающими существами нет причин.) Например, многие животные имеют ноцицепторы – болевые рецепторы, –

аналогичные человеческим, и при воздействии на них реагируют сходным образом, хотя они не знают, что чувствуют боль, как знаем это мы. Так же, имея термочувствительность, они избегают прикасаться к слишком горячему предмету, но неверно было бы говорить об их знании или убеждении, что прикосновение к горячему причиняет боль.

Таким образом, представляется разумным трактовать сознание как *способность формировать интенциональное отношение его носителя к усвоенным или самостоятельно сконструированным лингвистическим объектам*. Естественно, ценность этого вывода была бы невелика, если бы не было надежды на то, что ИФЯ поддается логическому анализу. И действительно, попытки создать интенциональную логику [9] предпринимались не раз, но до сих пор не достигли решающего успеха. Возможно, новый стимул к развитию это сугубо аналитическое направление получило бы на основании анализа эмпирических данных.

За последние годы нейронаука сделала многое для раскрытия фактических механизмов языковой способности человека. Так, по одной из современных теорий, субъективное переживание любого знака создается синтезом в единый образ информации о его физической форме, связанных ним воспоминаниях, его значимости для удовлетворения той или иной потребности и вызванной им мотивации [10]. Первичный импульс, поступающий от органов чувств в проекционную кору, после кольцевого движения по отделам мозга через систему диффузных проекций возвращается в кору, и только тогда можно сказать, что осуществилось восприятие знака. Дж. Эдельман предложил называть этот процесс повторным входом (*re-entering*). Таким образом, знак представляется элементом комплексной интенциональной системы, соотносящейся с содержанием чувственного восприятия, эмоциями, моделями деятельности и т.д. Каждое из этих явлений в отдельности также активно изучается нейронаукой. Для многих понятий уже можно дать физиологическое определение, а значит, логически соотнести между собой разные понятия, по крайней мере, в рамках одной семантической группы (например, группы «эмоции»). Возможно, физиологическому исследованию поддаются и операторы логики, с помощью которых осуществляется создание и интерпретация языковых знаков. В частности, такой раздел модальной логики, как логика убеждения (*logic of belief*) очевидным образом соотносится с теорией детекции лжи. Если использовать эти разрозненные результаты для создания единой схемы записи содержания сознания, вполне вероятно, что прояснятся некоторые важные свойства интенциональной логики, причем не абстрактной, а реально присущей человеку.

Примечания

1. Винник Д. В. Качественные и интенциональные ментальные состояния. Проблема редукции. // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. – 2010 – № 2. – С. 125–136. – С.129.
2. Там же. – 135.
3. Там же. – 130.
4. Формулировка этих высказываний не вполне правомерна, особенно по-русски, но это сделано лишь для примера.
5. *Chisholm R.* Theory of Knowledge. 3rd ed., Englewood Cliffs: Prentice Hall, – 1989.
6. Резникова Ж. И. Современные подходы к изучению языкового поведения животных // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. – М., 2008. – С. 293 – 336. – С.304.
7. Интересной представляется, например, попытка проанализировать интенциональную онтологию с применением феноменологического подхода.
8. Деннет Д. С. Виды психики: На пути к пониманию сознания. – М., 2004. – С.33
9. Не следует путать с *интенциональной* логикой.
10. *Иваницкий А. М., Стрельцов В. В., Корсаков И. А.* Информационные процессы мозга и психическая деятельность. – М., 1984. – С.116.

Дата поступления 11 февраля 2013 г.

Институт философии и права СО РАН,
г. Новосибирск

abyssian03@gmail.com

Moisseeva, A.Yu. Mind as intentionality relative to linguistic objects

The paper presents an attempt to treat intentional states ontologically as neurophysiological states relative to linguistic objects. We may also treat these states as functional ones. It makes possible to consider mind as a capacity for developing intentional attitude of its bearer to acquired linguistic objects or to those constructed by his or her own.

Keywords: mind theory, intentionality, language, neurophysiology